

© 2010 г. М.А. Гутиева

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В УСЛОВИЯХ СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ НА РУБЕЖЕ 1920-1930-Х ГГ.: ОПЫТ И УРОКИ ИСТОРИИ

Рассматривается одна из наиболее острых и дискуссионных проблем советской истории – проблема реализации политики сплошной коллективизации на Северном Кавказе в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Отмечается, что продиктованная комплексом политических, экономических и идеологических задач ликвидация частного сектора в деревне вызвала ожесточенное сопротивление части местных сообществ, не готовых поддержать идею огосударствления аграрного производства и разрушения традиционного уклада.

Ключевые слова: государственная аграрная политика, коллективизация, аграрная система, общественное движение, колхозное строительство, репрессивные меры.

В конце 1920-х гг. главным приоритетом внутривнутриполитического курса СССР являлась ускоренная индустриализация, которая должна была укрепить позиции страны на международной арене и обеспечить снабжение широких слоев общества промышленными товарами. Средства на приведение в жизнь намеченных решений могли быть изъяты только из сельского хозяйства, что предопределило на рубеже 1920-1930-х гг. постановку задачи сплошной коллективизации. Коллективизация, как «глубочайший революционный переворот, скачок старого качественного состояния общества в новое качественное состояние» [1, с. 291], полностью изменила систему социально-экономических отношений в деревне и сопровождалась применением широких форм насилия по отношению к крестьянству. В ходе осуществления коллективизации произошло столкновение идеи ускоренной модернизации аграрного сектора на идеологической основе и крестьянского традиционализма, который пытался активно противостоять модернизации «по-большевистски». Практика коллективизации в значительной степени определялась тео-

ретическими представлениями большевистских лидеров о методах и путях строительства социализма в Советской России. У многих членов партии, в том числе и у И.В. Сталина, было предубеждение против крестьянства как мелкобуржуазного класса. Марксистский тезис о мелкобуржуазности крестьянского хозяйственного уклада [2, с. 71], о несовместимости социализма с мелким крестьянским хозяйством был использован И.В. Сталиным для обоснования масштабных перемен в жизни села на рубеже 1920-х – 1930-х гг. Провозглашение политики сплошной коллективизации имело особое значение для республик Северного Кавказа, в которых в 1920-1930-е гг. основная часть населения была занята в сельскохозяйственном секторе. Начавшееся колхозное строительство воспринималось горцами крайне неоднозначно. Хозяйственный уклад, складывавшийся в этом регионе веками, должен был уступить место новым производственным отношениям, в которых заметно увеличивалась роль государства.

В отдельных областях северокавказского региона значительная часть образованных колхозов носила фиктивный характер, то есть крестьяне использовали колхозную форму для получения необходимых им семян, орудий, льгот и кредитов. Однако распоряжались они государственной помощью не всегда эффективно. Непродуманная раздача кредитов, неэффективное использование государственной помощи часто отталкивали единоличников от колхозов. Кроме этого, несмотря на все оказываемые льготы, колхозы распались, и их посевная площадь не только не возрастала, но и уменьшалась. Во многом этому способствовало то, что колхозы сдавали хлеб государству по нормированной цене, которая была значительно ниже рыночной [3, с. 84]. В данной связи государственная политика помощи колхозам имела двоякий характер, поскольку, предоставляя кредиты, правительство одновременно изымало излишки произведенной колхозами продукции. В ряде районов Северного Кавказа местной властью порой использовались незаконные средства для удержания крестьян в колхозах. Крестьянам, заявлявшим о нежелании находиться в коллективе, власти угрожали невыдачей обобщественных средств производства, резким повышением налогообложения и других обязательств и, в конечном итоге, раскулачиванием и высылкой. Зачастую эти угрозы осуществлялись на практике. Как известно, положение спецпереселенцев было крайне тяжелым. Спецпоселки, как правило, размещались в

необжитых, суровых местах, жилища были крайне примитивными. Естественно, спецпереселенцы пытались любыми путями вырваться из спецпоселков, многие бежали. Только с 1932 по 1940 гг. из «кулацкой ссылки» бежало 629 042 человека, а было возвращено из бегов за тот же период 235 120 человек. Для предотвращения побегов применялись суровые меры: вводилась круговая порука, в отношении задержанных применялись репрессивные меры вплоть до заключения в концлагерь и применения высшей меры наказания по постановлениям краевых и областных троек [4]. Грандиозные задачи, поставленные перед всем советским народом, по мнению представителей центральной власти, должны были быть достигнуты любой ценой, невзирая на отношения государства и общества стали строиться на основе абсолютного приоритета интересов первого. В этих условиях имевшиеся на Северном Кавказе социальные противоречия в совокупности со складывающейся новой экономической реальностью не могли не привести к открытому столкновению. Сопротивление части горцев коллективизации началось практически сразу после первых шагов местных органов власти, направленных на выполнение директив центра. Однако формы этого сопротивления различались, как с учетом региональной специфики, так и по времени.

Для начального этапа коллективизации, когда власть только делала первые попытки претворить новые формы хозяйствования в жизнь, характерно пассивное неприятие проводимой политики среди значительного числа горцев, которое довольно быстро переросло в своеобразную форму саботажа. Ответственные работники на местах проводили различные экономические махинации, направленные на развал конкретного колхозного хозяйства. Нельзя сказать, что данные действия были результативны. К тому же, они быстро привлекли к себе внимание правоохранительных органов [5]. Поскольку коллективизация оказалась весьма болезненной политикой для всей деревни, то и сопротивление этой политике в той или иной форме оказывалось всеми группами крестьянства, включая и беднейшие слои. Несомненно, что размеры, а иногда формы и методы сопротивления у различных социальных групп крестьянства не были похожими. Масштабы противодействия во многом зависели от позиции местной власти. Наиболее заметно политика государства в первой половине 1930-х гг. затронула зажиточные слои деревни, сначала в форме мероприятий по «ограничению и вытеснению эксплуататорских тен-

денций кулачества», а впоследствии и раскулачивания. Естественно, что зажиточные крестьяне в наибольшей степени сопротивлялись борющемуся с ними режиму. Однако имущественное положение крестьянина – это далеко не единственный критерий для определения движущих сил в конфликте власти и деревни. В частности всего за «кулацкий» террор в СССР в 1930-е гг. было осуждено 31,2% кулаков, 57% середняков и 9% бедняков [6]. Среди горцев Северного Кавказа далеко не все были готовы оказывать активное сопротивление органам власти. Крестьянство по своей природе было неспособно организоваться и вести политическую борьбу. Еще К. Маркс писал, что «крестьяне не способны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени, их должны представлять другие» [7, с. 280]. Можно согласиться с мнением В.П. Булдакова, что «крестьянин изначально вписан в природу, а не в политику...», и он всегда выступал против властей «не для их устранения (политическая задача), а с демонстративной целью, дабы сообщить о своем почему-то не расслышанном мнении» [8, с. 23].

Самым распространенным и, наиболее эффективным методом активного политического сопротивления со стороны жителей аулов в рассматриваемый период было распространение различного рода «антисоветской» информации и агитации, в том числе и направленной против аграрной политики власти. Подобного рода сообщения распространялись в устной и письменной форме. К письменной информации относились листовки, а также анонимные лозунги и угрозы. Отличительной особенностью листовок являлось то, что они часто содержали общие призывы на сопротивление власти и ее политике («Долой колхозы», «Да здравствует борьба с советской властью», «Долой насильников-коммунистов, ведущих страну к гибели и разрухе» и т.п.). Но одновременно листовки могли включать в себя и конкретные угрозы. Кроме того, листовки часто подписывались от имени какой-либо «борющейся» с режимом организации и распространялись не в единственном экземпляре [9, с. 167]. Распространенным способом противодействия казаков и горцев политике большевиков в 1930-е гг. являлись открытые «антисоветские» высказывания и другая устная агитация. Местом для такой агитации традиционно служили сельские сходы, собрания аулов по различным вопросам (налогообложение, займы, коллективизация, раскулачивание), а также беседы в небольшом кругу на базарах, в кооперативных лавках, в чайных, во время праздников и т.д.

Казачьи и крестьянские выступления против политики властей зачастую оказывали большое воздействие на окружающих и нередко являлись детонатором к проявлению более резких и массовых форм протеста вплоть до волнений целых деревень и аулов.

Начавшуюся коллективизацию по-своему «приветствовали» бандформирования, скрывавшиеся в труднодоступных районах Северного Кавказа еще с 1920-х гг. Неприятие частью горцев коллективизации они рассчитывали использовать в своих целях и активизировать борьбу против центральной власти, пополнить свои ряды и расширить свою поддержку среди мирных, но недовольных проводимой политикой горцев. Уже весной 1930 г. в некоторых равнинных районах Чечни органами ОГПУ было отмечено появление агитаторов из числа бандитов, чего ранее не фиксировалось [10]. Чувствуя протестные настроения в обществе и растущую поддержку, «эмиссары» бандитов стали все чаще появляться в соседнем Дагестане и вести агитацию против советской власти. При этом планы антисоветского выступления были настолько амбициозными, что в качестве временных союзников бандитами рассматривались даже терские казаки [11, с. 79]. Осенью 1929 г. имел место первый факт открытого неповиновения власти в условиях начавшейся коллективизации. Главы нескольких чеченских и ингушских тейпов, воспользовавшись грубыми ошибками советской власти, пытавшейся провести хлебозаготовки в равнинных частях Дагестана и Ингушетии, открыто призвали к срыву хлебозаготовок, разгромили ряд ссыпных пунктов и вывезли из них собранное зерно. Кроме того, были выдвинуты и политические требования: вывести из автономий вооруженные отряды хлебозаготовителей, отменить продналог, заменить выборные органы советской власти старейшинами чеченских тейпов [12, с. 192-193]. Выступление было подавлено воинскими частями и подразделениями ОГПУ. Однако данные действия были признаны неудачными, поскольку всем организаторам и вдохновителям выступления удалось скрыться, а количество изъятого оружия было мизерным.

Советское правительство постоянно отслеживало рост влияния бандформирований в автономиях Северного Кавказа. Так, уже в марте 1930 г. была сформирована оперативная группа войск и целью активизации борьбы с политическим и иным бандитизмом общей численностью около 2500 человек. В ее состав, помимо пехотных и кавалерийских частей, вошла артиллерия и

авиация [13, с. 64]. Такие операции официально именовались «чекистско-войсковыми». В течение всей весны сформированное соединение активно действовало против бандформирований и изымало оружие у населения. В результате было арестовано 122 бандита и изъято около 1500 единиц стрелкового оружия [12, с. 203]. Настойчивость, с которой органы власти приводили в жизнь политику коллективизации, вызвала ответную реакцию горцев. Первое организованное выступление против советской власти отмечено весной 1930 г. в Карачае. Тот уровень организованности, который демонстрировали повстанцы, позволяет утверждать, что восстание долго готовилось. Местные органы власти не могли справиться с ситуацией своими силами и потребовали помощь из центра. При этом ими отмечалось, что восставший народ выдвигает политические требования, и упорно сопротивляется. Местные коммунисты настаивали на организации Ревкома и создании трибунала и политической тройки.

О размахе сопротивления может свидетельствовать тот факт, что в Мало-Карачаевском автономном округе разыгралось целое сражение. Отряд повстанцев, поделенный на взводы и сотни, атаковал Кисловодск. Восставшие сумели занять западную окраину города и завязать уличные бои. Надо отметить, что действиями повстанцев руководил бывший офицер русской армии Лафишев [14]. Крайне непросто складывалась ситуация и в Дагестане. В Курахском районе практически была низложена советская власть, а восстание охватило Курахский, Касумкентский и Табасаранский районы. В этом регионе недовольство коллективизацией помножилось на бурные протесты против закрытия мечетей и репрессий против духовенства. Антисоветские силы, поддержанные духовными лидерами, активизировались и в аварских селах Харахи и Орта Хунзахского района. В марте 1932 г. в районе аула Беной вспыхнуло восстание, для подавления которого пришлось задействовать крупные силы НКВД. В аулах громили кооперативы, уничтожали советские деньги. Власть оказалась готовой к подобному развитию событий. Об этом говорит тот факт, что мятежникам не удалось взять штурмом ни один из осажденных гарнизонов, а сотрудники райотделов НКВД своевременно с семьями успевали в них укрыться. Население восставших районов выдвинуло решительные политические и экономические требования: прекратить незаконную конфискацию крестьянских хозяйств под видом коллективизации, прекратить произволь-

ные аресты крестьян под видом ликвидации «кулачества», отозвать из всех районов Чечни начальников ГПУ, ликвидировать народные суды и восстановить институт шариатских судов, прекратить вмешательство краевых и центральных властей во внутренние дела Чеченской автономной области [15].

Только после подавления восстания силами армии удалось установить, что данное выступление планировалось как общегорское. Восстать против советской власти должна была не только вся Чечня, но и Дагестан с Ингушетией. Выяснилось также, что в его подготовке принимали активное участие представители местного духовенства. Руководителями восстания была создана широкая подпольная сеть, включающая вооруженные группы по всему Северному Кавказу. При этом успех всего предприятия основывался именно на предположении о том, что озлобленное коллективизацией население в большинстве своем поддержит мятеж. Однако по-настоящему народным, то есть получившим широкую поддержку народных масс, восстание стало только в части Чечни, где, по материалам ОГПУ, наблюдалась «организованность, исключительная ожесточенность повстанцев в боях, непрерывные контратаки, невзирая на потери, религиозные песни при атаках, участие женщин в боях» [16, с. 14-15]. Осенью 1932 г. произошли вооруженные выступления против коллективизации в Ингушетии, которые были достаточно быстро локализованы местными силами.

Особенность реализации аграрного курса власти на Северном Кавказе в начале 1930-х гг. состояла в том, что при подавлении вооруженных выступлений против коллективизации власти активно использовали так называемые «партизанские» отряды, сформированные их представителями горцев (армян, грузин, осетин, азербайджанцев, дагестанцев и др.), изъявивших добровольное желание в них вступить. Помимо убежденных сторонников советской власти, в такие отряды вступало немало родственников, чьи семьи пострадали от действий бандформирований. Заметный спад крестьянских волнений наблюдался в середине 1930-х гг., когда началось восстановление сельскохозяйственного производства, стали подниматься урожаи, возобновился рост поголовья скота. Выше стала и оплата труда колхозников. Постепенно в колхозах и совхозах стала появляться техника. Крупное коллективное хозяйство открыло новые возможности экономического и социального прогресса. Однако эти возможности могли быть реализованы, когда трудовой коллектив

являлся хозяином. Проведенная на рубеже 1920-1930-х гг. коллективизация не отвечала интересам советского государства, но не широких слоев горского общества. Она способствовала отчуждению крестьянина от земли, от распределения произведенного продукта. Колхоз не получил статуса кооператива в крестьянском понимании этого слова. К концу 1930-х гг. окончательно сложилась система директивного планирования колхозного производства и уровня жизни крестьянства со стороны партийно-советского аппарата. Таким образом, возникшая в 1930-е гг. колхозная система позволила власти решить две наиболее существенные задачи: изымать практически безвозмездно сельскохозяйственную продукцию и установить тотальный контроль над экономической, социальной, а порой и частной жизнью сельского населения Северного Кавказа.

ЛИТЕРАТУРА

1. История ВКП (б). Краткий курс. М., 1997.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 27.
3. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Т.2. 1923-1929. М., 2000.
4. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 448. Л. 72.
5. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 153. Л. 76.
6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86-с. Д.231. Л. 23.
7. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992.
8. Булдаков В.П. Неистовства «черного передела» // Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
9. Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86-с. Д. 155. Л. 11.
11. Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы). Майкоп, 1994.
12. Данлон Д. Россия и Чечня: история противоборства. М., 2001.

13. *Аптекарь П.* Война без края и конца // Родина. 2000. №1-2.
14. *Александров К.М.* Народ, режим и армия. Великий перелом 1930-1933 гг. // http://www.yabloko.ru/publications/2009/05/15_0
15. *Роцин М.* Ислам в Чечне // <http://www.religio.ru/relicoc/postsovspace/136.php>
16. *Марченко Г.В.* Антисоветское движение в Чечне в 1920-1990-е гг. // Вопросы истории. 2003. №1.

*Горский государственный
аграрный университет*

25 октября 2010 г.
